

Между Оруэллом и Андерсеном

Вечер Л. Петрушевской.
Литмузей, Трубниковский пер.

Заметив в зале детей, Людмила Стефановна начала со сказок – не со страшных историй, коими знаменита, а с настоящих, волшебных, с хорошим концом. Читает она так, что, ей-богу, жаль тех, кто этого не слышит. С другой стороны, если все истории Петрушевской называть сказками, тогда и Оруэлл – родной брат Андерсена.

Кстати, себя Петрушевская ни к какому литературному течению или направлению не относит. Как и к «литераторам», у которых дверь кабинета звукоизолирована, на столе – усаждающая глаз коллекция трубок, к телефону подходит жена, благовейно шелестя в трубку: «Имярек работает...»

Естественно, на вечере не могли не прозвучать отрывки из «Карамзина». Этому сочинению, опубликованному два года назад, и его автору досталось от критики так, как не случалось даже в застойные годы. Один

досужий газетчик заявил: я-де тоже так могу написать (так и тянет спросить: «Кто ж мешает?!»). И за эти два года Людмила Петрушевская ни разу не выступила в свою защиту: не от критики — от издевательства.

Анну Ахматову как-то спросили, трудно ли быть поэтом. Как она ответила, всем известно: чего тут трудного, когда диктуют? – и указала рукой куда-то вверх. Кто – или что? – диктует Людмиле Петрушевской? Ответ: население. Людмила Петрушевская положила себе быть барометром, улавливающим душевное состояние «населения». Потому хочется верить ее оптимистическому прогнозу: кажется, появился какой-то просвет. Не будь его, она не смогла бы приступить к новой пьесе: для драматургии потребно некоторое общественное спокойствие, ведь отдельных реплик в какофонии не услышишь.

Вера КАЛМЫКОВА.

Им. клуб. - 1997. - 2 нояб. - с. 5.